

Кай Эрхеллен

Не оставляй ворожей
в живых

Кай Эрхеллен

Не оставляй вражеских в живых

«Издательские решения»

Эршеллен К.

Не оставляй ворожеи в живых / К. Эршеллен — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968070-9

Части этой книги — как параллельные миры, разделенные завесой северного сияния. Если долго смотреть, как волны зеленого света двигаются по небу, закручиваются в спирали и вихри — можно увидеть, что завеса кое-где так тонка, что проглядываются очертания иного мира. Сколько их, этих миров? Они — не осколки разбитого зеркала, а целые, сами себя вышивающие полотна. Нити, прядущиеся через тело Вселенной. Они протягиваются через Аврору зелеными лучами и сплетаются в одно. В полотно, которое пряду я.

ISBN 978-5-44-968070-9

© Эршеллен К.
© Издательские решения

Содержание

НЕ ОСТАВЛЯЙ ВОРОЖЕИ В ЖИВЫХ	6
I. Вплетение	6
II. Столкновение	8
III. Опьянение	10
IV. Наваждение	14
V. Упоение	16
VI. Приручение	18
ШАМАНСКИЕ ПЛЯСКИ	20
Скрипка	20
Шаманство	22
Pasodoble	24
Ирландский танец	26
Вольный осенний	27
ОСЕННИЕ СКАЗКИ	28
Немногосказка	28
Лео	31
Надежда	34
Осень и всё такое	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Не оставляй врагов в живых

Кай Эршеллен

© Кай Эршеллен, 2019

ISBN 978-5-4496-8070-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НЕ ОСТАВЛЯЙ ВОРОЖЕЙ В ЖИВЫХ

*

Поэма об инквизиторе и ведьме

I. Вплетение

Position Music – Eta Carinae Hybrid¹

Безмерным потоком, искрящимся светом
Всё льется аврора по звездному небу.
Миры разделяет своими лучами,
Струится сияньем неведомых далей.

Снег вихрем совется, клубится, несется,
Не знает он мира под ласковым солнцем.
Снежинок кристаллы в неистовом танце
Во власти метели безумно кружатся.

Затянется кружевом снежным земля.

Алмазными льдами дороги укрыты,
Сиянья лицо в них нефритом отлито.
В нем севера лик, в нем безлюдные дали,
В нем холод и мрак, ночной сказки печали.

При свете сиянья, что в тьмы завихреньях
Плетет кружева холодов и забвенья,
Бредет она в старой изорванной шали.
По снежным коврам – босыми ногами.

Стой, стой, стой! —
зеленые духи с ветрами кричат.
стой, стой, стой! —
там нет ничего, лишь дорога назад.

Бей, бей, бей! —
В бой просится бубен в дрожащей руке.
Пой, пой, пой! —
Прошепчет аврора в ее голове.

Стой, бей! Стой, бей! Пой!

И клубами дыма пространство взорвется —

¹ *В эпиграфе к каждой части поэмы указана музыкальная композиция, *под* (или, скорее, *на*) которую эта часть была написана. Попробуйте читать под неё – и текст засверкает новыми красками. – Прим. автора*

То ведьма кричит, воспевая гимн солнцу.
По снегу, по льдам, ветер бьет с силой в спину —
Бежит, руки в стороны резко раскинув.

По бубну стучит ледяными руками —
Надорвана – песнь его рвется за грани
Авроровых кружев, что мир окружили,
Сетей, что поймали, опутав – сдавили.

Врезается в кружево яркая сила —
Сильна, горяча, растеклась, растворилась.
В смятении духи летают за ветром,
Сгорает нить тьмы, посыпая снег пеплом.
А кружево вьется, той силой облито,
Впитав ее, цвета лишилось нефрита.
Тот радужный блеск подбирался все выше,
Где пальцы Авроры лучи плетут, ближе
Поднимутся, ну же,
отдернет ли пальцы она?

II. Столкновение

Position Music – Man At Arms

Темные тени на стенах танцуют,
Свет от свечи в окнах блики рисует.
Плачет огонь, поливая стол воском,
Он – за столом изучает доносы.

Там, за чернилами, полными крови,
Казнь несвершенная, пытки да боли,
Жалобы, страсти, интриги, растленья,
Нет только ведьмы – нет только сожженья.

Вот она, вот же!
Вот она, пляшет!
Бубен в руке
Колдовством ее свяжет.
Волосы пламенем адским взлетают,
Вот она, там, где лед севера тает.

Вот она, тонкие пальцы у неба
Вяжут, плетут заклинанье рассвета.
Юбка изодрана – с ветром играет.
Вот она, в поле не ходит – летает.
Вот эти ягоды в кудрях сверкают,
Снежинок кристаллы на коже растают.
Вот она, дьявольски жесты, движенья,
А все слова – цепи Сатаны звенья —
Нет!

Он предчувствует силу вторженья,
Волю ломающего искушенья.
Сгори!
Бьет по столу, опрокинув все свечи,
Ходит по комнате, чувствуя встречу.
Умри!

В горе смятенья, тревоги и злости
Руки ломает, звенят его кости.
Не жить!
Ведьму убить, сжечь червивое сердце,
Что продало дьяволу все свои песни.
Искра в священном огне потухает —
Ведьма горит, колдовство не сгорает!
Он яростно с полок книги срывает,
Сотни страниц надрывает, бросает!

Ведьма бежит, напевая гимн солнцу,
Песнь ее громко над городом льется.

Он поджигает вторую страницу —
Ведьма бежит, зажигая зарницу.

Ведьма несется, с крыльями ветра
бубен ее отбивает ритм света.
Он темный плащ на себя надевает,
тень капюшона обличье скрывает.

Туча над городом низко нависла —
Ведьма смеется, с ветром присвистнув,
Он по ступеням поспешно сбегает —
Черная ткань, словно крылья, взлетает.

Она выбегает на площади камень.
По венам ручьями струится тот пламень,
Что искрами рвется из глаз и из пальцев —
Он смотрит с порога, не зная, что дальше..

Уйди!

она встала, его замечая.
горит огонек в волосах, потухает.

Умри!

с интересом глядит, изучая,
ребенок, что вырвался за свои грани.

Сгори!

III. Опьянение

Nox Arcana – White Woodlands

Он глядит во тьму,
Книги все закрыты.
Ночи так бессонны,
Он – словно убитый.

Веки не сомкнуть
В крепких сна оковах.
Он не улыбнется
И не молвит слова.

Мягче, мягче лунный
Луч в окно ворвался.
он клянет, безумный,
силу ее танца.
Черно-красный бархат
Ни черты не выдаст.
Отворяет двери
С ветра свистом. Выдох.
Стук шагов поспешных,
Свет свечи в бойницах.
Он спешит к той грешной,
Что ночами снится.
А движенья нервны —
Знает, что в подвалах
К темным стенам шею
Цепи приковали.
Серебристый луч
К ней нашел дорогу.
От стен черных туч
Вся она продрогла.

В красных волосах —
Ни одной искринки.
Ведьм не мучит страх,
Но на цепи – льдинки.

Скрип петель – то дверь
Взвыла, отворившись.
Он вошел, как зверь —
От света укрывшись.
Он глядит в глаза
В страхе прикоснуться.
Вдох глубокий, два —

Чтоб не задохнуться.

Он стоит, безмолвен.
Ведьма шевельнулась.
Сбросив сна оковы,
Наконец проснулась.

*Капелькой хрустальной —
По щеке слезинка,
По губам же бродит
Дрожь и тень улыбки.*

Ведьма улыбнулась,
инквизитор вздрогнул.
глазки загорелись
огоньком задорным.
пальцем шевельнула —
он нахмурил брови —
у него хрустальная
бабочка в ладонях.
оживет на крыльях
синяя пыльца —
бабочка вспорхнула,
села у лица.
бархат капюшона
сбросил крыльев взмах,
инквизитор нервно
дернулся. Она
головой кивнула – там, где дверь была —
сквозь полы темницы
роза проросла.
синеват и нежен
розы лепесток,
он сорвал небрежно
колдовской цветок.
ведьма задохнулась,
– ведьм не мучит страх —
Лишь немой укор
Встретил он в глазах.

Казни день назначен —
Быть сожженной ей —
В клетке ведьму тащит
Свора палачей.

Сквозь стальные прутья
Она вдаль глядит.
Улыбнулась, будто
Видела нефрит

Там авроры дальней, —
Колокол звонит.
В пламени священном
Ведьма та сгорит.

Инквизитор медлит —
На нем нет лица.
От толпы, от клетки
Отведет глаза.

*Капелькой хрустальной
По щеке слезинка,
По губам же бродит
Дрожь и тень улыбки.*

Ведьма улыбнулась —
с первым лучом света
Растворилась в мраке,
Улетела с ветром.
Растворилась в клетке
Облаком тумана,
Каплями авроры
В воздухе витала.
Струями сиянья
Сквозь прутья просочилась,
Синею пылью
На крыльях обратилась.

Шаг назад – и в крепость,
Инквизитор мрачен.
Под темным капюшоном
Бабочку он прячет.
Мотылек укрылся
в черных волосах.
Тень улыбки пляшет
у ведьмы на губах.

IV. Наваждение

Position Music – Age of Pride

По черному небу
Катится,
льется,
летит в колеснице луна.
По темным ступеням
быстро сбежит
и укроется
в тени она.
Шагами две стрелки
Полночь
На башне
Размеренно не отстучат.
По паркам, аллеям
Следом за ней
Он несется —
Дорогами в ад.

В глазах загорятся
Свечи-огни —
Огоньком
Обратится она.
От крика охрипнув,
Бросится слепо
В погоню
за искрами дня.

два шага, а дальше —
замер он,
в сердце сомненья
упало зерно.
где та дьяволица,
что проклиная людей
с демоном заодно?

Его огонёк золотистым коснулся лучом.

Чертовка! Колдунья!
Он сквозь туман
Пробирается
В ночи тиши.
Ее проклиная,
рвется во тьму,
что, наверно,

чертями кишит.

Глумится! Смеется!
Он ненавидящим
Взором
Нашел огонек.
Ее кровь прольется
В пыточной
Камере,
Плоть сожжена будет в срок!

Бежит инквизитор,
Чтобы поймать
и страданиям
Ведьму предать,
Что грязно – открыто! —
Дьявольское колдовство
Не боится создать.

Звездой мерцает
Между деревьев
Пред ним
Колдовской светлячок.
Полями, лесами,
Не уставая, бежит он,
Не зная дорог.

Прячься! Бойся! Стой!

V. Упоение

Position Music – Searching

Вслед за облаком тумана
Он бредет, забыв усталость,
Огонек нырнул за ветви,
Помня прутья страшной клетки.
Стой, стой, стой!

Он, за деревом укрывшись,
Темной тенью притворившись,
Наблюдает за мерцаньем,
Не спугнуть бы лишь касаньем!

Может, скрылась в колокольчик?
– тихий звон хрустально в ночи —
Раздается ближе, ближе,
Ласковее, мягче, *слышишь?*

Венчика едва коснулся —
светлячок в кусты метнулся.
Прячется он в листьях клена,
В ягодах, в траве зеленой.
Стой же, покажись!

Забредает в лес всё глубже,
Нет тропы назад, и нужен
света огонек. – *Куда же
ты ведешь меня все дальше?*

Убегает. – *Силы ветра!*
Скройте ведьму до рассвета!
Кроны дуба шепчут: «Тише!» —
огонек взметнется выше.

Словно пьян, безумен, сломан,
Силой ночи очарован,
Он глядит – в глазах же искры
Пляшут танцы между листьев.

– *Что ты будешь делать дальше?*
Проклянешь меня, как раньше?
Он клянется свистом ветра,
Что ему не нужно это.

Разожжет костер – и водят

Золотые хороводы
Огоньки перед глазами —
Задыхается он в пламени.

Светлячки бегут, кружатся
В вихре огненного танца —
Болью голова взорвется,
Он упал, не шелохнется.

– *Засьтай!* – она колдует.
Боль утихнет, сон наступит.
Мотылек из капюшона
На грудь сядет. Листьев шепот.

Над поляной зари реки,
Наконец раскроет веки —
Рядом с ним, с цепью на шее
Спит, свернувшись, ворожея.

VI. Приручение

Illuminate – Nachtmusik

Мягкий шаг по ковру снегов.
Тихий шепот звенит, как зов
За пределы мира, где нет беды,
За завесу цвета морской воды.

Тихо звякнет бубен в ее руке,
Кудри в снежной пыли, словно в песке.
Каждый шаг нотой – в тишину,
Каждый звук сияньем разгонит тьму.

Кружевами ползет оно,
Оплетает руки, зовет с собой.
Бубен слабо бьется, усталый бой
Умолкает. В небе горит звездой

Его песнь, что лишала покоя, сна,
беспокоя, кружила, сводила с ума,
Разрывала завесы между миров,
Расплетала косы ночных ветров.

В темноте и бархате этой ночи
В старой шали – идет она и пророчит
Себе судьбу, а в глазах не пламя —
Льдинки темного севера и сиянья.

Проснись.
Прохладные пальцы кожи коснутся —
Цепи на шее, звеня, разомкнутся.
С лица непослушную прядь убирая,
Он задержал ее в пальцах, играя.

Ненависть, словно туман, наваждение,
В мраке исчезла. Пришло удивление.
На ведьму, бродящую в царстве Морфея,
Он глядел так, будто перед ним – фея.

Спит безмятежно, клубочком свернувшись,
Он наклонился, случайно коснувшись
Бледной руки. Бубен шепчет в ней слово,
Вызвав колдунью из северной дремы.

Она глядит —
Он не дышит.
Она молчит —

Он не слышит.
Дрожащих пальцев прикосновенье,
Ведьма очнулась и дернула звенья —
Но цепи на шее не оказалось,
На коже горячей следов не осталось.

Но ведьма вздрогнет. Бушует и бьется
В ней море сомнений, печали и солнце
Авроры пустыню души освещает,
А ведьма дрожит, рвется в лес, умирает.

Прохладные пальцы ко лбу прикоснутся,
Он держит за руку, не дав ей вернуться
В мир северных пустошей, ночи и тени.
– Сиди, успокойся, смотри, уже день ведь..

Она задохнулась —
Он выпустил руку.
Она поднялась, а он
Всё сидит, будто
Рассвета лучи
его не достигают.
он темен, как тень,
он холоден, как камень.
Она повернула лицо его к солнцу,
Сбросив капюшон, тербят его волосы
Рассвета ветра. Мотылек вылетает
На свет, и в лучах синим пеплом сгорает.
Она не бежит, воспевая гимн солнцу,
раз он не прогнал, то она – остается.

ШАМАНСКИЕ ПЛЯСКИ

*

Tanz auf dem Vulkan

Скрипка

1

Осеннему вечеру вызов бросает
Смычка на струне
Игра.
Вечерние ветры пепел кидают
В скрипачки золотые
Глаза.
Подставила солнцу
Закатному солнцу
Вишнёвые кудри – жар
Сейчас разольётся
По телу. Смеется
Она от неведомых чар.
А музыка льётся,
Кружится, несётся,
Сребрится, золотится
И локоном вьётся
На небо взлетит, у луны отзовется
И там разольётся
Рекой.
Она улыбнется, себе улыбнется
Смычок от струны оторвет, и вернется
Осеннему вечеру прежний
Покой.

2

Прощальный будет скрипки
Услышан зов.
Он тихо и свободно,
Немного старомодно
И, может быть, вольготно
Своей игрой будил
Сов.
Алеют небосводы, и речки тёмной воды
Горят кровавым цветом
Вин.
Пред ветрами сухими
Окраинной пустыни

Предстал лучей закатных
Сын.
Смычком струны коснётся
Улыбка не сорвётся
С холодных – губ.
И эхом разольётся
Взорвётся, понесётся
Вперёд – звук.

Шаманство

Играет ветер – нежны струны
Лучей рассвета тихой арфы,
Сверкает солнце перламутром
В прозрачном стеклышке росы.
Шаман выходит на опушку,
Бесшумно по земле ступая,
Ловя глазами искры света
И кончик теребя косы.

Любимец Хорса, братец ветра
Кружится в танце с алым светом,
Махнет рукою – станет пеплом
Всё то, что миру бог послал.
В огонь – босой. Не гасит пламя —
Лишь раскрывает в сердце знамя
Природы первозданных таинств
И продолжает ритуал.
Огня рябиновые слезы —
По коже тонкими струями.
Танцует яро, будь под пяткой
То ли костер, то ли вулкан.
Смеется, плачет, пляшет, скачет,
Летит, и падает, и начат
Уж новый день; Сварог же прячет
Глаза, попав в ночи капкан.

На миг он встанет, обернется —
Коса золотая обовьется
Луны сребристую струной.
Мерцают очи, сердце бьется,
Горит костер и брезжит солнце
На дне горящею искрой.

Pasodoble

Алой кровью, диким пульсом
Сердце, вмиг сгорев,
Стучит.
Задохнуться, захлебнуться
В танце скором
нам грозит.

Скажи, ты любишь по весне,
Когда цветут дожди и травы,
Когда прольется ливнем капель
На наши города апрель,
Взглянуть на солнце, что лукаво
Темнит, скорее прячась в тень?
Скажи, ты любишь шепот мыслей
Услышать в ветре, что поет
О тайнах неба? Тихим свистом
Он в форточку к тебе войдет.
Ты любишь слушать пляски ритмов
И петь без слога теплым днем,
Водой обжечься, звать, не крикнув,
Тревогу затушить – огнем,
Уснуть, ресниц не замыкая
На сладких снов кристалл-замок,
Забыться, мысли не теряя —
Ещё один глоток!

Кружатся волны, переливы,
Алей гори!
За-бейся сердце кастаньетой
Ногой на
Раз-два-три!
Браслеты, бусы, звонко струны
Звенят, звенят.
Дурная кровь, скорей по жилам
Цвета гранат.
Скорей беги,
алеи гори,
сверкай в артериях ручьями
красней зари.

Сбивайся танца напряженье,
Стучи, стучи!
Волна кроваво-алой юбки,
Лети, кружи!
Ты любишь пляски дикой ведьмы —

Так погляди!
Сгорает сердце, каштаньей
Выстукивает ритм в груди.

Ирландский танец

Изумрудной звездой загораются фонари
Дымкой сумерек затянуло пресветлый вечер
Начинаешь простые движенья на раз-два-три
(Фонари бы сказали, что ты здесь танцуешь вечность)

Ветер сонно листает страницы тома стихов
(Светлячки в нём читают о том, как в безбрежном море
Бьётся парусник в сетях власти морских ветров
На борту я играю мелодию в ре-миноре)

Ты танцуешь: движенья уверенны и легки
Шаг – подскок, два шага и подскок, и ещё два шага
А в висках барабанами – раз, раз и два, и три.
Каблуком по земле отрывистым резким стаккато.

Кто б подумал тогда: травянистой атласной тропой
Поманит тебя родина фейри, подскоков и эльфов
(Уж протягивает она белоснежной рукой
На удачу в пути тебе клевер. Ну что же ты медлишь?)

Ты танцуй. Я сложу пока флейту, пойду вдогонь.
Может, престо, а может анданте, кто скажет точно?
Здесь ведь только фонарь, малахита играющий роль
(Но кто слушает песнь светлячков этой тёмной ночью?)

Вольный осенний

Я б хотела писать тебе письма, сидя в парке или на бульваре, по бумаге – безумным аллегро, тихо юбкой о листья шурша.

Я хотела б писать о туманах, нежном блеске арахновых кружев, о кофейно-полуночных грёзах и мирах в грубой стали ножа. Только строки – листками златыми – по велению ветра-шамана закружились в неистовом вихре, взмыли птицею в небо, крича.

Я писала бы – слышишь, мой милый? растворяясь в янтарном тумане, в пьяной дымке осеннего яда, по бумаге чернилами я

б сочиняла всё новые сказки, замирая в объятьях обмана, ощущая холодные руки на своих непокрытых плечах. Я писала б рябиновой кровью, алой кровью немого танцора, Собирала бы листьями строки, ну а буквами – капли росы. Я писала бы, милый, о солнце, и играла б в осеннем миноре – тихо пальцы по клапанам флейты на пороге октябрьской грозы. Я писала бы, если б угодно, было богу вдохнуть в меня силу, чтоб нанизывать, словно бусы, слова в строках, а строки в стихе. Но пока буду задыхаться в пряных духах осеннего мира – аполлонова лира смолкнет, и играть будет моя флейта свои трели, волшебник, тебе.

ОСЕННИЕ СКАЗКИ

*

О мире огоньков, фонарей и волшебства

Немного сказка

Один за другим загорались искорками фонари на все ещё не желающей засыпать улице. Зажигались разноцветные огоньки гирлянд на витринах магазинов, из окон невысоких по-деревенски уютных домов струился мягкий свет, и слышны были тихие разговоры. Радость шла по улице, засунув руки в карманы тёмного плаща и совсем не радостно изучая каменный тротуар под своими ногами. Каблуки мерно постукивали, и этот звук ей нравился.

Из одного из домов послышалась весёлая, но немного фальшивая игра флейты. «Наверняка это Грусть», – подумала девушка и медленно двинулась дальше. «У неё никогда правильно не получают такие весёлые мелодии».

Над землёй стелилась розоватая дымка. Мокрые от прошедшего дождя камни мостовой отсвечивали радужными отблесками гирлянд. И всё же – сыро. Радость недовольно фыркнула: если эта тоска будет преследовать и дальше, то придётся менять имя в паспорте. Оглянувшись по сторонам, она заметила приоткрытую дверь то ли магазина, то ли по странным причинам пустующего в это время кафе. Отмахнувшись от мелькающего перед глазами мотылька, девушка вошла, прикрывая за собой дверь. И тут же зацепила головой свисающих с потолка стеклянных бабочек.

– Эй!

Бабочки безапелляционно прокрутились в другую сторону, оставаясь равнодушными к нанесенному ими же ущербу полям шляпы Радости. Чуть пожав плечами, она сделала несколько шагов, пытаясь отыскать глазами хозяина этого места. У кресла перед камином сидела огромных размеров собака и умиротворённо глядела на потрескивающий огонь. Когда девушка подошла чуть ближе, собака вяло обернулась, гавкнула, дабы соблюдать приличия и снова отвернулась.

– Присаживайтесь.

Голос донесся откуда-то с кресла, но говорящего видно не было. Не удивляясь, Радость присела в другое кресло и сняла шляпу.

– Чай, кофе?

– Кофе.

– Хорошо, тогда я тоже выпью с вами чаю.

Девушка усмехнулась, протягивая руку за чашкой кофе. Попробовала. Осталась довольна.

– Что привело вас в мою лавку?

– А это всё-таки лавка? – она удивлённо обернулась и наконец заметила хаотично расставленные на полочках странного вида мешочки, горшочки и вазочки.

Её невидимый собеседник ухмыльнулся. «Наверняка, в усы, – подумалось Радости. – У него же обязательно должны быть усы.»

– Бабочки у вас агрессивные. И владельцы невидимые, – она недовольно покосилась в сторону кресла, у которого уже лежала собака.

– Пожалуй, в этом вся прелесть.

– Не сказала бы.

Весь энтузиазм Радости разбежался по самым тёмным углам её небольшой квартиры несколько дней назад. Теперь было недовольно, вредно и немного тоскливо. Даже печально. Определённо придётся идти в паспортный стол на следующей неделе. Она подула на несуществующую чёлку и отхлебнула кофе из чашки.

– Что продаёте?

– По мелочам. Счастье, здоровье, семейное благополучие. Недавно привозили удачу, успех..

– И кто на такое клюнет?

Собеседник снова усмехнулся.

– Люди покупают. Верят – не верят, а эти штучки для них вроде талисманов, которые осуществляют желания.

Радость скептически приподняла одну бровь, но промолчала. За окном уже было тихо, улица потихоньку начинала засыпать. Гирлянды исправно горели, бабочки позвякивали над входом.

– А радость у вас есть?

Ей показалось, что мужчина покачал головой. Довольно откинувшись на спинку кресла, девушка сделала ещё один глоток из чашки.

– Ну естественно, ведь это я.

– Быть Радостью в паспорте любой сможет.

– Да что вы?

– Нужно радоваться самому и радовать других. Или же наоборот. Радовать других и самому этому радоваться, – собеседник задумался, чай из его чашки неумолимо исчезал. – Это слишком сложно для владельца лавки. Только сами радости могут в таком разобратся.

Девушка допила свой кофе и тряхнула волосами, отставляя чашку в сторону. Она поднялась, подошла к одной из полочек и стала рассматривать содержимое всех шкатулок да горшочков.

– Вот уж мечта идиота, – улыбнулась она, разглядывая разноцветные камешки, бусинки, стеклянные шарики.

– Людей радуют такие мелочи, – судя по тому, что собака немного встрепенулась, её хозяин поднялся с кресла и подошёл к Радости. – А у вас красивая улыбка. Радостная, что ли..

Приложив палец к губам, будто о чём-то задумавшись, она поглядела в пространство перед собой, будто могла увидеть невидимого собеседника.

– А у вас таки усы! Седые и длинные.

Победно подняв палец вверх, она рассмеялась, взяла шляпу и направилась к выходу.

– Если когда вернусь – заплачу за кофе. Расскажите, сколько счастья у вас купили в этом месяце.

– Может, когда и вы начнёте радостью торговать? – он усмехнулся.

– Коммерцией не занимаюсь, – она щёлкнула пальцем по появившимся перед шляпой стеклянным бабочкам. – Чао!

Не закрывая за собой дверь, она вышла на улицу и тут же обернулась на звуки. На углу сидел ранний гитарист с явным намерением разбудить своей игрой всю улицу. Один за другим потухали фонари на уже просыпающейся улице, а гирлянды всё горели. На линии горизонта появлялись предрассветные огоньки. Изобразив перед гитаристом шутовской поклон и приподнимая шляпу, Радость уже весело зашагала навстречу встающему солнцу. «Наверное, новая песня Веселья, – подумала она, услышав быструю и немного забавную мелодию. – Как раз вовремя».

Лео

На самой дальней улице небольшого сказочного городка с вечно светящимися фонарями стоял небольшой ухоженный домик, со всех сторон оплетенный лозами дикого винограда. По вечерам во двор выходила его единственная жительница – маленькая Ио. Так её называли, хотя была она совсем не маленькой вот уж лет как шесть. Она любила пить зелёный чай и все время что-то читала, бормоча себе под нос тихие комментарии. За пределы своего двора она выходила не так уж и часто, а в городе мало с кем разговаривала. Вот и считали её девочкой весьма странной и молчаливой.

Сегодня вечером Ио не вышла на улицу. Сидя возле окна за письменным столом, она пыталась что-то написать под песни сверчков. Видимо, пока безуспешно: скомканные листы вырывались из тетради и летели на пол. Над окном висели стеклянные синие бабочки – в этот год они были, пожалуй, уже поднадоевшим украшением каждого дома и каждой лавки этого городка. Ио вздохнула. Теперь нужны не бабочки, а иных вдохновителей на горизонте видно не было.

Вдруг в окно соседней комнаты кто-то постучал. Удивленно приподняв бровь, Ио подошла к окну, но никого не увидела. Должно быть, ветер. Однако, стук повторился. Раскрыв окно и выглянув наружу, девушка заметила мальчика лет одиннадцати. Он молча и как-то с вызовом глядел на неё.

– Ты что-то хотел?

Ребёнок упёрто молчал, будто ответ мог то ли навредить, то ли унижить его достоинство.

– Ну тогда я пойду? – Ио стала прикрывать дверь, но мальчик ухватился за ручку и быстро переступил порог. Бабочки радостно зазвенели над головой, и он испуганно завертелся, пытаясь найти источник звука.

– Я поставлю чай, – кивнула девушка, улыбнувшись.

Незванный гость неуверенно потоптался на пороге, но всё же последовал за хозяйкой дома. На нём был чрезмерно плотный для невиданно жаркой весны пиджак, из-под рукавов которого чуть выглядывали рукава белой рубашки. Немного растрепанные каштановые волосы спадали на плечи.

– Как тебя зовут? – девушка услышала за спиной уверенный альтист. Настолько уверенный, будто это она была здесь незванным гостем.

– Ио.

– А полностью?

– Иоланта, – девушка невольно поморщилась. – Сам-то кто будешь?

– Лео.

– Леонардо? – она усмехнулась.

– Нет. Лео, – мальчик недовольно тряхнул волосами, ясно показывая, что полное имя ему никак не нравится.

Они молча пили зелёный чай. Ио – украдкой рассматривая новоприбывшего, Лео – будто задумавшись о чем-то невероятно важном. Тем же задумчивым взглядом он пристально глядел на лежащее на столе печенье в форме зверей. Девушка невольно улыбнулась.

– Что же ты всё такой серьёзный?

– А с чего бы мне веселиться?

Ио приложила палец к подбородку.

– Ну потому, что ты ещё маленький, и настроение у тебя должно быть беззаботное. Знай да гуляй себе с утра до ночи на улице.

Лео посмотрел на неё так, будто она сморозила самую ужасную и непростительную в мире глупость. Девушка опустила взгляд, усердно разглядывая чайники и постукивая ложечкой о край чашки. Странный этот мальчик. Кого-то напоминает.

– И откуда же ты? – спросила она, чтобы как-то разрядить обстановку.

– Из соседнего города. Семья Рейнфорцев.

– Такая знать? – она окинула мальчика оценивающим взглядом. – Паж?

Лео чуть покраснел, крепче сжимая чашку. Как-то стыдливо опустил глаза, а позже уже немного раздраженно посмотрел в глаза Ио.

– Так вышло, – он помрачнел. – Матушка с отцом отправились на небеса раньше, чем я подрос, вот и пришлось.

Сочувственно вздохнув, Ио молча поднялась и убрала со стола уже пустые чашки. Но стоило ей отвернуться от полок и снова обернуться к столу – как Лео не оказалось на месте. А из соседней комнаты уже послышался немного удивленный детский альти:

– О, а ты стихи пишешь?

– Не читай!! – отчаянно бросившись в соседнюю комнату, девушка лихорадочно соображала, куда и как можно спрятать стихи, чтобы не обидеть ребёнка. Но немного опоздала. Когда она ворвалась, едва не сорвав дверь с петель, мальчик уже вслух читал, пытаясь дельно скандировать по слогам.

– Так плав-но блек-нет мир, и-дя ко сну-у-у..Эй!

– Не читай, говорю! – уже не задумываясь о педагогичности своих действий, Ио вырвала листок из рук мальчика и пристроила на ближайший шкаф.

– Почему? Такие ужасные стихи?

– Не люблю их кому-то показывать, – она умолчала о том, что вообще никому не показывала с тех самых пор, как... да, пожалуй, как начала писать.

– Но мы ведь теперь друзья, мне мо-о-жно! – пользуясь своим возрастом, ребёнок явно решил сменить тактику. Ио прищурилась и недоверчиво глянула на него.

– Да ну?

– Мы вместе пили чай!

– И?

– И печенье ели!

Молча восторгаясь гениальности доводов Лео, Ио достала листок и недовольно протянула ему.

– Читай молча. Услышу хоть звук – ни одного стиха не получишь.

Довольно ухмыльнувшись, мальчик присел на край дивана и вопросительно глянул на девушку.

– Что? – не поняла она.

– Я буду спать один?

– А ты спать собрался?

– Я спрашиваю. Мне могут сниться плохие сны и вообще...

Поражаясь теперь уже наглости этого ребёнка, Ио присела рядом.

– Тогда и причесать тебя надо. Чтоб совсем на девочку был похож, – довольно усмехнулась она, услышав его раздраженное фырканье.

Тогда она и подумать не могла, что скоро, очень скоро, когда наступит не менее жаркий, чем июль, август, она будет сидеть с Лео во дворе своего дома и смотреть туда, где неподалеку мягким тёплым светом горят болотные огоньки. Под некогда красиво цветущей вишней сидеть уютно и спокойно, сверчки всё поют да поют, не умолкая. Тогда она наверняка спросит у Лео, почему он пришел именно к ней. А он наверняка ответит:

– У тебя вишня красиво цвела. Да и огоньки эти... видишь?

Она чуть помолчит, а затем задумчиво добавит:

- А я стих написала.
 - Снова о бабочках?
 - Нет, о тебе.
- Лео немного удивленно обернется.
- Дашь почитать?
 - Нет, конечно.

Надежда

В дверь постучали. Ангел удивлённо обернулся: к нему редко кто-то заглядывал. Во всяком случае, редко заходил кто-то, кого хотелось бы увидеть. Ещё точнее – не заходил совсем. На пороге стояли дети лет семи, тройняшки.

– Чего вам? Кто такие?

– Мы – Сомнения, и нам холодно! – пропищала девочка. – Пусти в дом!

– Нет уж! – ангел плотно захлопнул дверь. – Весна на улице, не замерзнете!

Он замолчал, прислушиваясь к звукам за дверью. Дети еще немного постояли, а затем таки ушли. Он облегченно выдохнул. «Что ж за мир такой, а..» – пронеслось в голове у повидавшего несколько миров ангела, – «то ли чувства принимают облик людей, то ли людей просто так странно называют... А явились ведь вовремя, и как узнали-то».

Из гостиной послышался звон давно неработающего телефона. Настолько неожиданный, что парень дернулся и бросился поднимать трубку. На другом конце провода тут же послышался довольно неприятный прокуренный голос.

– Привет, ангел, давно не виделись.

– Кто это?

– Одиночество, неужели не узнал? Хотел заглянуть к тебе как-нибудь...

Не дослушав, он со злостью бросил трубку, и в то же мгновение в дверь снова постучали. Ангел резко дернул ручку, намереваясь подобрать для пришедшего самые подходящие и обидные эпитеты.

– Пустите Отчаяние переночевать!

– А черт бы вас побрал! – дверь резко захлопнулась. Оборвав телефонный провод и закрыв дверь в соседнюю комнату, чтобы не было слышно никакого стука, ангел улегся на диван, как больной, и прикрыл глаза. Ненадолго, ибо тут же услышал стук в окно.

Он упрямо не подходил. За окном слышался детский писк и крики.

– Нет! Он сомневается, тебе у него не место!

– Знаем мы, как тебя кличут! Надежда, Помощь! Пусть сам справится!

– Еще и в шляпе ходит, будто Радость!

– Ага, как только Радость ушла, так эта появилась!

– Да идите вы к лешему!

Ангел не выдержал и распахнул окно.

– Заткнитесь или проваливайте отсюда!

Мальши пошептались и, решив позвать неких Злость и Решительность, убежали. А в открытое окно запрыгнула девушка. Огляделась, отряхнулась.

– Хорошо, что не в высотном доме живешь. Не в моих принципах входить через дверь.

Ангел подозрительно глядел на неё.

– Ты кто такая?

Она махнула рукой.

– Зови как хочешь, лишь бы не так, как эти, – она кивнула в сторону окна. – Так я не люблю.

– Как? Надежда?

– Не Надежда я! – она недовольно поморщилась. Резко крутанулась на пятках, поворачиваясь к ангелу лицом. Порывшись в кармане, что-то протянула в кулачке.

– На вот тебе бабочку.

– Зачем? – он недоуменно моргнул.

– Талисман этого года. Тебе крупно повезло: в том году были коровы, а стеклянные бабочки гораздо красивей стеклянных коров, не так ли?

Парень взял бабочку и недоверчиво осмотрел со всех сторон.

– Почему я должен тебе верить?

– Потому что суеверие гласит, – она важно подняла вверх указательный палец, – что если повесить талисман над дверью, то никакое Отчаяние к этой двери не подойдет!

Вопреки ожиданиям девушки, ангел подошел к двери и повесил над ней бабочку, которая тотчас призывно зазвенела. Он как-то печально взглянул на мутный глазок и запертые замки.

– Ждешь гостя? – новоприбывшая хитро прищурилась. – Ну тогда мало просто ждать.

– Что еще?

– Если нальешь мне чаю – скажу! – она нагло сунула нос в соседний дверной проем, дабы удостовериться в том, что там кухня.

Если бы Сомнения и их весьма невеселые друзья надумали сейчас вернуться, то увидели бы сидящего у стола возле окна беловолосого юношу и девушку со шляпой на коленях, постоянно поигрывавшую браслетом на правой руке. Она все что-то говорила, время от времени протягивая парню развязавшийся браслет с просьбой завязать, что он выполнял довольно неохотно.

– Ты не можешь сидеть и ждать, – говорила девушка. – Нужно выйти на улицу и громко позвать.

Он подавился чаем.

– Да идём!

Она нахлобучила шляпу на голову и потянула ангела за руку к окну.

– Но дверь...

– Выходить через дверь тоже не в моих принципах!

– Но в моих!

Когда ангел хотел еще что-то возразить, они уже были на улице. Под моросящим дождем. Где-то рядом шумели сверчки, где-то на горизонте сверкали последние закатные огоньки, а из-за мрачной тучи выглядывал светлый бок луны.

– Давай, кричи.

– Что? – не понял ангел.

– Зови, кого хочешь увидеть. Одно единственное имя, да погромче.

Позже ангел ещё вспоминал, как тогда стоял на крыльце собственного дома и орал вместе с этой любительницей входить через окна. Как последний дурак. Так думалось. А затем ему снилось, будто бы стоят они на крыше неизвестного дома посреди ночи. И будто бы он слышит голос девушки:

– Ну прыгай уже! Кто тут ангел, я или ты? Ты должен уметь летать!

Она думала, что он начнет спорить, и уже готовила убедительные аргументы, но вместо этого парень просто прыгнул, потянув её за руку.

– Ааааа, да! Вот так! Дальше давай, чего стал? И кричи погромче!

И они снова орали, думалось, как последние дураки.

– Молиться бесполезно, – говорила она, сидя на подоконнике и по-детски болтая ногами в воздухе. На минуту отставила чашку и протянула ангелу правую руку. – Завяжи.

– Достала уже со своим браслетом! Самой не надоело?

– Мне нет, – она пожала плечами. – Мне же не завязывать.

Он недовольно фыркнул, но браслет завязал.

– Так чего там дальше?

– Ждать защиты тоже бесполезно. Вот в чудеса надо верить, они это любят. И приближать их тоже чем-то нужно.

Она чуть помолчала.

– В твоём случае ещё нужно на гитаре играть, – поглядев на дно уже пустой от чая чашки, девушка поставила её на подоконник, с которого тут же спрыгнула на землю, придерживая

слетающую шляпу. – Теперь спать иди, время уже не детское. Только гляди, чтоб не очень крепко.

– Почему это?

– Дело есть, – как-то хитро подмигнув, она коснулась двумя пальцами полей шляпы, будто отдавая честь, и скрылась в темноте.

Уснул ангел действительно некрепко и уже после полуночи. Поэтому от тихого стука в дверь тут же раскрыл глаза, будто только его и ждал всё время. Поднялся, вышел в коридор, но подойти к двери не успел: она уже отворилась и в отверстие выглянула знакомая голова в шляпе.

– Сюрприз!

– Чего?

Дверь совсем отворилась, и ангел увидел, кого за знакомую бледную руку притянула не менее знакомая рука в браслете.

– Ну, встречай гостя, ангел.

Осень и всё такое

Он сидел в тёмной комнате с каменными стенами, устало прикрыв глаза и опираясь спиной о холодную поверхность. Здесь не было ковров и предметов мебели, равно как и светильников. Единственное окно – очень узкое, витражное, так что света было предельно мало. Он сидел так уже который день: был, кажется, наказан, правда, никто наверняка не вспомнит, за что. А может, все давно позабыли, что он сидит здесь один – мальчик часто пропадал и до этого. Он сидел, и всё его тело чуть вздрагивало от вдохов и выдохов. Он был маленьким аристократом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.